

Международные отношения и внешняя политика

国际关系与对外政策

International Relations and Foreign Policy

Научная статья

УДК 327.82(470+510+73)

EDN VXGSTY

DOI 10.17150/2587-7445.2024.8(1).46-56

**Отражение тайваньского вопроса в дипломатическом дискурсе
России, Китая и США на современном этапе****А.А. Распопина**Байкальский государственный
университет,
г. Иркутск, Российская Федерация**В.М. Филашкина**Байкальский государственный
университет,
г. Иркутск, Российская Федерация

Дата поступления:

29.01.2024

Дата принятия к печати:

29.02.2024

Дата онлайн-размещения:

01.04.2024

Аннотация. В статье рассмотрена актуальная проблема отражения тайваньского вопроса в дипломатических дискурсах России, Китая и США. Источником анализа послужили тексты выступлений дипломатов за 2023 г. Были проанализированы интервью, речи, заявления: госсекретаря США — Э. Блинкена, Министров иностранных дел КНР — Цин Гана и Ван И, Министра иностранных дел РФ — С.В. Лаврова. В рамках исследуемого вопроса о дипломатическом дискурсе, проанализирована и статья российского дипломата В.Ф. Пряхина о готовящемся в Пекин визите Э. Блинкена. Для авторов непосредственный интерес представляли ключевые выражения и слова, использованные в выступлениях дипломатов, которые несли эмоционально-экспрессивную коннотацию.

Изучение дипломатического дискурса, как своеобразной формы коммуникации между официальными дипломатическими лицами, с помощью анализа специфических языковых средств, используемых дипломатами в устной или письменной речи, позволяет заметить даже незначительные изменения в отношениях между государствами. Когда вместо привычного и принятого эмоционально-сдержанного стиля, дипломаты начинают использовать в речи эмоционально окрашенные фразы, можно говорить о нарастании напряженности в общении между государствами.

В кратком историографическом обзоре рассматриваемого вопроса проанализированы работы отечественных и зарубежных ученых. Целью анализа стало изучение того, как отношение к тайваньскому вопросу влияет на дипломатический дискурс главных сторон конфликта: Китая и США, а также на дипломатический дискурс третьей стороны — России. В качестве метода исследования был использован контент-анализ. Результаты исследования представлены в виде таблицы основных элементов дипломатических дискурсов трех стран и в виде графика экспрессивности в текстах разных выступлений. Было выявлено, что наибольшей экспрессивностью обладают российский и китайский дипломатические дискурсы.

Ключевые слова. Китай, Тайвань, тайваньский вопрос, Россия, США, внешняя политика, дипломатический дискурс, экспрессивность.

科学文章

台湾问题在现阶段俄中美外交话语中的体现

A.A. Raspopina

贝加尔国立大学,
伊尔库茨克, 俄罗斯联邦

V.M. Filashkina

贝加尔国立大学,
伊尔库茨克, 俄罗斯联邦

结稿日期: 2024年01月29日
出版日期: 2024年01月05日
网上出版日期: 2024年04月01日

摘要: 文章探讨了当前俄罗斯、中国和美国外交话语中反映台湾问题的这一紧迫问题。分析来源为2023年外交官演讲文本。分析了美国国务卿布林肯、中华人民共和国外交部部长秦刚和王毅、俄罗斯联邦外长拉夫罗夫的采访、演讲和声明。作为外交话语问题研究的一部分, 俄罗斯外交官 V. F. Pryakhin 撰写的一篇有关布林肯即将访问北京的文章也被分析。对于作者来说, 外交官演讲中关键表述和词语极有兴味, 这些键表表述和词语带有情感表现力的内涵。

外交话语研究作为外交官员之间独特的沟通形式, 通过分析外交官在口头或书面讲话中使用的特定语言手段, 使我们能够注意到国家间关系中的细微变化。当外交官开始在演讲中使用情绪激动的短语, 而不是通常和公认的情感克制风格时, 我们可以谈论国家之间沟通中日益紧张的情况。

在对所考虑问题的简要史学回顾中, 分析了国内外科学家的著作。分析的目的在于研究对台湾问题的态度如何影响主要冲突方——中国和美国的外交话语, 以及第三方——俄罗斯的外交话语。采用内容分析作为研究方法。研究结果以三个国家外交话语主要内容的表格和不同演讲文本的表现力图表的形式呈现。结果显示, 俄罗斯和中国的外交话语最具表现力。

关键词: 中国, 台湾, 台湾问题, 俄罗斯, 美国, 对外政策, 外交话语, 表现力。

Original article

Reflection of the Taiwan Issue in the Diplomatic Discourse of Russia, China and the United States at the Present Stage

A.A. Raspopina

Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation

V.M. Filashkina

Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation

Received: 2024 January 20
Accepted: 2024 February 29
Available online: 2024 April 1

Abstract. The article deals with the actual problem of reflecting the Taiwan issue in the diplomatic discourses of Russia, China and the United States. The source of the analysis was the texts of the diplomats' speeches for 2023. The following diplomats and politicians' interviews, speeches, and statements were examined: US Secretary of State — A.J. Blinken, Chinese Foreign Ministers — Qing Gang and Wang Yi, Russian Foreign Minister — S.V. Lavrov. As part of the studied issue of diplomatic discourse, an article by Russian diplomat V.F. Pryakhin about the upcoming visit of E. Blinken to Beijing was also analyzed. For the authors, key characters and words used in the speeches of diplomats who carried emotional and expressive connotations were of immediate interest.

Considering diplomatic discourse as a form of communication between diplomatic officials and studying it by analyzing the specific language used in spoken or written language of diplomats, allows us to notice even minor changes in relations between states. When, instead of the usual and accepted emotionally restrained style, diplomats begin to use emotionally colored phrases in speech, we can talk about an increase in tension in communication between states.

The works of domestic and foreign scientists were analyzed in a brief historiographical review of the issue under consideration. The purpose of the analysis was to study how the attitude to

the Taiwan issue affects the diplomatic discourse of the main parties to the conflict: China and the United States, as well as the diplomatic discourse of a third party — Russia. Content analysis as a research method was used. The results of the study are presented in the form of a table of the three countries' diplomatic discourses' main elements, as well as in the form of a graph of expressiveness in the texts of different speeches. It was revealed that the Russian and Chinese diplomatic discourses are the most expressive.

Keywords. China, Taiwan, Taiwan issue, Russia, USA, foreign policy, diplomatic discourse, expressiveness.

Одной из важнейших частей дипломатической практики является дипломатический дискурс — уникальная форма коммуникации между официальными дипломатическими лицами. Прежде всего, он используется для передачи мнений, концепций и идеологических установок, однако, и это очень важно, именно через дипломатический дискурс транслируется эмоционально-ценностный посыл страны как единого коллективного целого. Изучение дипломатического дискурса, а вместе с ним и дипломатического языка с его специфическими языковыми средствами, позволяет заметить даже незначительные изменения в отношениях между государствами.

В связи с тем, что взгляды многих государств на важнейшие проблемы безопасности, непризнанных территорий, терроризма, государственных позиций часто не совпадают, в публичных выступлениях дипломатов могут открыто проявляться негативные эмоции и резкая критика. При этом необходимо отметить, что дипломатический дискурс является специфической формой дискурса, ему не должна быть присуща излишняя экспрессия. Тем не менее, напряжение вокруг некоторых конфликтов бывает таким значительным, что дипломатический дискурс (особенно в открытой форме, предназначенной для распространения среди большой аудитории) перестает быть нейтрально-сдержанным — и мы можем наблюдать активное использование выразительных средств языка, иногда даже снижение стиля до разговорного. В то же время повышение уровня эмотивности может выступать критерием отношения государства к проблеме, определенным маркером, отражающим уровень значимости отдельных тем в международном сообществе.

Тайваньский вопрос можно рассматривать как пример подобной ситуации. На протяжении длительного периода времени он находится под пристальным вниманием многих стран. Целью

исследования стало изучение того, как отношение к тайваньскому вопросу влияет на открытый (публичный) дипломатический дискурс главных сторон конфликта: Китая и США и на дипломатический дискурс третьей стороны — России. Всего было рассмотрено пять ключевых выступлений политиков и дипломатов трех стран. Выступления были сделаны в течение 2022–2023 гг.: интервью Э. Блинкена¹, госсекретаря США, после визита в Китай, речь Ван И² — Министра иностранных дел КНР, на 59-й Мюнхенской конференции, статья В.Ф. Прякина³ — члена Совета Ассоциации российских дипломатов, посвященная будущему визиту Блинкена в Пекин, интервью Цинь Гана⁴ — Министра иностранных дел КНР с 30 декабря 2022 г. по 25 июля 2023 г., на пресс-конференции по внешней политике Китая и несколько заявлений МИД РФ за 2022–2023 гг., сделанные С.В. Лавровым⁵ — Министром иностранных дел РФ. Главным методом исследования выступил контент-анализ.

¹ Secretary of State Antony J. Blinken's Press Availability // US department of State. 2023. 19 June. URL: <https://www.state.gov/secretary-of-state-antony-j-blinkens-press-availability/>.

² Making the World a Safer Place / Keynote Speech by Director Wang Yi // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2023. 18 February. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt_665385/zyjh_665391/202302/t20230219_11027215.html.

³ Владимир Прякин: О предстоящей поездке госсекретаря США в Пекин // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2023. 9 янв. URL: https://mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1846471/.

⁴ Вопросы и ответы Министра иностранных дел Цинь Гана на пресс-конференции, посвященной внешней политике Китая и международным отношениям // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2023. 8 March. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/wjbz/zyjh/202303/t20230308_11037323.html. (In Chinese).

⁵ Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks at the 11th International Meeting of High Representatives for Security Issues, Moscow, May 24, 2023 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2023. 24 May. URL: https://mid.ru/en/press_service/minister_speeches/1872035/?lang=ru.

В текстах выступлений были выделены и подсчитаны ключевые выражения, несущие эмоционально-экспрессивные коннотации — они стали основным критерием, на базе которого строилось исследование.

Любой современный дипломатический дискурс, как правило, является отражением сложившихся ранее исторических и геополитических реалий. Дипломатический дискурс России, Китая и США, который в 2022–2023 гг. заметно обострился, экстраполирует события китайской истории. Так, позиции России, Китая и США хорошо просматриваются в историографии проблемы тайваньского вопроса.

Процесс формирования мнения России о Тайване нашел отражение в монографии А.В. Лукина «Медведь наблюдает за драконом», посвященной трансформации образа Китая в России на протяжении четырех веков [1, с. 408–470]. Автор делает вывод, что в целом Тайвань всегда представлялся как неотъемлемая часть Китая. В СССР (после создания КНР) существовала формула «американской оккупации Тайваня». Считалось, что западные державы старались колонизировать остров и сделать его независимым государством. Концепция «американской оккупации» прочно укрепилась в советских работах и советском дипломатическом дискурсе о Тайване. Ситуация изменилась только в 1980–1990-х гг., когда вследствие снятия многих цензурных ограничений стало поступать больше информации и печататься больше исследовательских работ. После развала СССР образ Тайваня в пространстве российских медиа и политики претерпел значительные изменения. Создавался положительный образ государства: уровень жизни, индустриализации, технологий, образования ставился в пример. Появился запрос на выстраивание партнерских отношений. В то же время Тайвань и Китай воспринимались как одно целое. Вмешиваться в вопрос воссоединения Россия, однако, не пыталась — это оставалось проблемой двух правительств. Примерно та же раскладка сохранилась до современного периода — официальная позиция Москвы в отношении «одного Китая» остается неизменной, хотя между Россией и Тайванем существуют партнерские отношения в различных областях [2, с. 233]. Изменение же официального мнения (особенно в свете недавних событий) представляется крайне маловероятным. К тому же в современном дипломатическом дискурсе поддержка Тайваня США воспринимается как негативный фактор.

Если рассматривать отношение США к тайваньскому вопросу, то здесь наблюдается противоположная тенденция — в Америке Тайвань считается самостоятельным государством. Этот фактор является причиной латентного конфликта между США и Китаем. Так, Я.В. Лексютина справедливо отмечает [3, с. 78–87], что дипломатическое признание Тайваня и КНР является взаимоисключающим — не может существовать два Китая. Именно поэтому Пекин ограничивает присутствие острова на международной арене. Вашингтон старается поддерживать тесные (неофициальные) связи с Тайванем, тем самым гарантируя его независимость и усугубляя раскол. Для США Тайвань — то азиатское пространство, где проводится схожая политика, где ценности и взгляды конструируются соответственно американскому ракурсу, поэтому оно кажется ближе, понятнее. С подобной страной легко вести диалог, легко предлагать ей свой путь развития. Нэнси Такер и Бонни Глейзер замечают, что США не могут оставить Тайвань без поддержки, поскольку это нанесет ущерб не только экономическим интересам, но и подорвет доверие партнеров США в азиатском регионе [4, с. 23–25]. Для Тайваня сотрудничество с США — это шанс расширить свое присутствие в поле международных отношений. Совсем другое дело — материковый Китай. С тех пор, как свершилось «экономическое чудо», Китай воспринимается как угроза, соперник, конкурент, некая неизвестная, мощная, а потому вызывающая сильную тревогу сила. Александр Лисс в статье, посвященной анализу отражения американо-китайских отношений в американской прессе, делает вывод, что негативный образ Китая преобладает над позитивным, хотя две страны нередко рассматриваются как партнеры [5]. Гофэн Вань и Илинью Лю, исследовавшие выпуски «The New York Times» в период с 1980 по 2020 гг., приходят к заключению, что образ Китая рассматривался в положительном ключе только в 1980-е гг., а с 1990 по 2020 гг. наблюдалась негативная репрезентация [6]. О.Н. Сорокина отмечает [7, с. 137], что в пространстве политического медиа-дискурса США образ Китая конструируется негативно потому, что его деятельность не отвечает основным американским ценностям — лидерству и безопасности. С помощью психолингвистических приемов, используя эпитеты и лексемы с отрицательными коннотациями, политики и журналисты активно продвигают негативный образ Китая. Тем не менее, несмотря на высокую угрозу эскалации конфликта, обе стороны стараются

всеми силами избежать этого и наладить более стабильные партнерские отношения. А.В. Волошина замечает [8, с. 31], что развязывание вооруженного конфликта в зоне Тайваньского пролива противоречит интересам всех участников. Подход США к проблеме периодически сменяется с конфронтационного на мирный, на риск же прямого столкновения администрации обеих стран вряд ли согласятся пойти.

Если рассматривать проблему с точки зрения Китая, то здесь все однозначно — Китай решительно настроен вернуть Тайвань под свое крыло (согласно концепции «единого Китая»). В подобном случае неизбежно недовольство внешней политикой США. Если в США сложился «агрессивный имидж» Китая, то примерно схожий в отношении американской стороны сложился и в политико-дипломатическом дискурсе КНР. Однако здесь следует учитывать специфику китайского дипломатического (а также и медиа) дискурса. Так, Гао Ивэнь отмечает [9, с. 356], что китайские дипломаты и СМИ стараются сбалансировать дипломатические отношения, поэтому негативные оценки не выражают в открытой форме. Согласно А.Д. Давыдову [10, с. 3–4] разница в дискурсах объясняется различием в национальном характере китайцев и американцев. В США остро реагируют на угрозы безопасности, часто с применением угроз, а для китайского менталитета не свойственна излишняя импульсивность. По мнению В.С. Баулиной [11, с. 107], в китайском дипломатическом стиле проявляется стремление к естественности, неторопливости, готовности терпеливо ждать до тех пор, пока не настанет благоприятное время для решения вопроса. Именно поэтому Китай решительно и сдержанно настаивает на присоединении Тайваня, не теряя партнерских

отношений с США. В этом вопросе следует обратить внимание и на то, что сепаратизм Тайваня носит уникальный характер: влияет не национальный сепаратизм, а скорее различие в политико-правовом устройстве [12, с. 39]. Если Китай основывается на идеологии «социализма с китайской спецификой», то Тайвань во всем ориентируется на США. В этом и заложен конфликтный потенциал — например, Ван И, глава МИД КНР, обвинил лидера Тайваня Цай Инвэнь в предательстве «национальных интересов». Китаю тяжело осознавать, что часть его собственной нации разделяет совсем другие интересы и зависит от главного конкурента — США. К тому же отдельное существование Тайваня еще и потому воспринимается в Китае болезненно, что противоречит концепциям национальной безопасности и «великого возрождения Китая» [13]. В книге под редакцией Криса Шей «Тайвань: манипулирование идеологией и борьба за идентичность» отмечается, что присоединение Тайваня важно для КНР по целому ряду причин: от противостояния «веку национальных унижений» (с момента начала Опиумных войн и до установления Республики в 1949 г.) до политики в отношении автономных регионов. Если Тайвань не станет легитимной частью страны, то могут возникнуть сепаратистские настроения в других регионах — Тибете, Синьцзяне, Гонконге. Все это противоречит базовым интересам: политической стабильности, социализму с китайской спецификой, охране суверенитета и территориальной неприкасаемости [14, с. 7].

Теперь рассмотрим отражение тайваньского вопроса в дипломатических дискурсах России, Китая и США. Для анализа текстов мы выделили четыре критерия: ценности, интересы, эмоции и аргументы. Результаты представлены в табл.

Отражение тайваньского вопроса в дискурсах России, Китая и США

Критерии	Китай	США	Россия
Ценности	«Великое возрождение Китая», «Единый Китай»	Продвижение своего политического курса	Защита суверенитета
Интересы	Присоединение Тайваня	Защита от китайской угрозы, но в то же время развитие сотрудничества	Сотрудничество с Китаем, получение поддержки
Эмоции	Негативные эмоции по отношению к политике США	Негативные по отношению к Китаю	Положительные – по отношению к Китаю, негативные — к США
Аргументы	Единство нации и культуры	Тайвань — самостоятельная страна	Единство китайской нации, культуры, присоединение исконных исторических территорий

В контексте тайваньского вопроса Китай выражает критику США, США беспокоит нарастающая мощь Китая на международной арене. Для России же принципиально возвращение острова КНР, поскольку на современном этапе вопрос безопасности, суверенитета и исконных исторических территорий вызывает у России сильную тревогу. Помимо констатации официальной позиции государства, в речах дипломатов наблюдается целый спектр эмотивных и ценностных смыслов. Каждая сторона формирует свои аргументы, опираясь на ценности и интересы. Китай постулирует концепцию «единого Китая», «великого возрождения». США — «демократического государства», Россия — «защиты суверенитета». Из ценностей составляются интересы — присоединить исторически и географически исконную территорию (для Китая) или создать буферную зону, с помощью которой можно оказывать влияние на соперника (США). России как третьей стороне конфликта важны партнерские связи и поддержка дружественного государства (Китай) и защита от недружественного (США). Естественно, что Китай и США будут испытывать негативные эмоции друг к другу, а Россия при современном раскладе сил положительно оценивает одну сторону и негативно — другую. Однако мы должны учитывать и то, что Китай и США ни в коем случае не хотят эскалации конфликта, стремятся к сотрудничеству, поэтому в их дипломатических дискурсах присутствуют «уступки друг другу».

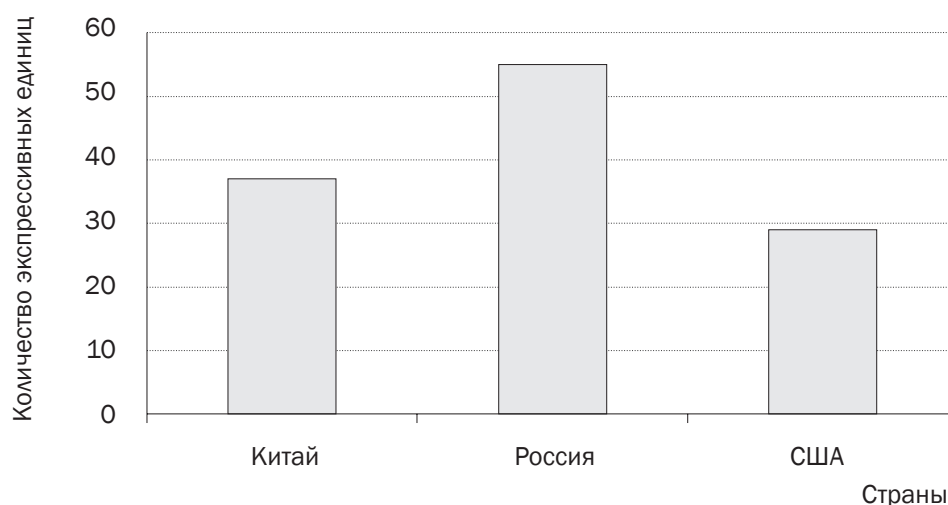
Первыми выступлениями по дате идут российские — статья В.Ф. Прякина, заявления МИДа, затем тексты Ван И и Цин Гана и только затем интервью Э. Блинкена. Если пытаться найти диа-

логичную связь между выступлениями, то можно заметить, что в российских и китайских текстах присутствует единый элемент — довольно категоричные обвинения в сторону США. Однако ответ со стороны США менее эмоционален — «китайская угроза» и «российская агрессия» констатируются как факты. Это указывает на то, что дипломаты США давно привыкли к обвинениям и давно обвиняют сами — дипломатические курсы часто становятся обменом критическими замечаниями и претензиями. Кто увереннее держится на мировой арене? Можно сказать, что все три стороны, однако нельзя не признать, что России в борьбе за многополярность приходится нелегко — именно поэтому её дипломатический дискурс становится экспрессивнее.

Критерием того, насколько тайваньский вопрос волнует все три страны, может выступать экспрессивность дипломатического дискурса. Именно уровень экспрессивности указывает на степень эмоциональности, критичности, оценочности выступлений дипломатов.

Уровень экспрессивности дипломатического дискурса России, Китая и США указаны на рис.

Приведем конкретные примеры. Например, вот как высказывался министр иностранных дел КНР Цин Ган на пресс-конференции, посвященной внешней политике Китая и международным отношениям от 03.08.2023 г.: «Однако такой несчастный случай (с беспилотным аэростатом — *примеч. авт.*) стал поводом для провокации Вашингтона, который явно в нарушение духа международного права и международной практики по презумпции виновности чрезмерно отреагировал, пошел на злоупотребление военной силой и натворил дипломатический скандал

Колебания экспрессивности в дипломатических дискурсах по тайваньскому вопросу России, Китая и США*

* Составлен авторами.

(здесь и далее подчеркнуто и выделено авт.)»⁶. В этом предложении явно видна негативная оценка и, что также важно, мы можем наблюдать конструирование образа США — страны, активно применяющей силу. Так в текстах китайских и русских дипломатов при упоминании США нередко употребляется лексика, создающая образ силы и разрушения: «жестко требуют», «фатальный удар», «деструктивная политика США в отношении Китая», «давить, душить, подчинять». С чем это связано? Прежде всего, с тем, что Россия и Китай недовольны агрессивной политикой США. Интересно и то, что в дипломатическом дискурсе КНР проскальзывают нотки обиды: «... почему американская сторона всегда подчеркивает необходимость уважать суверенитет и территориальную целостность, когда речь идет об украинском вопросе, а по вопросу китайского Тайваня вообще не хотят уважать суверенитет и территориальную целостность Китая?»⁷. Здесь присутствует эмотивный фактор, которого, по правилам, не должно быть в дипломатическом дискурсе, но стоит учитывать, что, во-первых, в современном мире дипломатия стала более открытой, активно транслируется в массы, следовательно, становится экспрессивнее, а во-вторых, чем острее вопрос, вокруг которого строится дискурс, тем вероятнее наличие эмоций — здесь наблюдается пересечение личного и профессионального. Именно поэтому, несмотря на общую сдержанность китайского дипломатического дискурса, по уровню экспрессивности он находится на втором месте на графике (37 экспрессивных элементов).

Российский дипломатический дискурс (в связи со сложившейся ситуацией, и активным противостоянием с США) отличается большей экспрессивностью (55 экспрессивных элементов, высшее значение на графике). Российские дипломаты, упоминая тайваньский вопрос, не скупятся на критику западных стран, а для аргументации активно прибегают к фразеологизмам, метафорам, разговорной речи. Так, в отношении США в тексте выступления В.Ф. Прякина, дипломата и профессора с большим стажем и традиционно очень сдержанным дискурсом, можно встретить следующие красочные выражения: «зашкаливающие великодержавные

амбиции», «глобальное доминирование», «шага или шажка дипломатии США». Обилие экспрессивных негативных оценок говорит о крайней степени обеспокоенности проблемой. Выступление В.Ф. Прякина посвящено будущей встрече министра иностранных дел США Э. Блинкена и Председателя КНР Си Цзиньпина, на которой должно обсуждаться мирное урегулирование тайваньского вопроса и возможности дальнейшего сотрудничества. Для российской стороны явное улучшение отношений между этими двумя странами является невыгодным, растет эмоциональное напряжение и, как следствие, экспрессивность дипломатического дискурса. Это отражается в языке: «вбивание клиньев между двумя великими стратегическими партнерами», «классический для внешней политики США метод кнута и пряника», «пояс сдерживания КНР», «пока суд да дело», «сплошь и рядом» и т.д. Интересен тот факт, что экспрессивность дипломатического дискурса России относительно тайваньского вопроса выше, чем у заинтересованной стороны — Китая. Почему это происходит? Во-первых, из-за резкого неприятия политики США, нежелании дальнейшего укрепления позиций США в Восточной Азии, особенно у границ стратегического партнера России — Китая. Во-вторых, из-за некоторого сходства с текущей ситуацией — можно предполагать, что Россия будет остро реагировать на любые вопросы, связанные с неприкосновенностью исконных территорий и суверенитета, особенно если это касается дружественных стран, с которыми Россия налаживает отношения и которым оказывает поддержку. И в-третьих, потому что дипломаты США не так воспринимают данную проблему, так как она напрямую не угрожает безопасности США, а китайский дипломатический дискурс в силу традиционно присущей ему сдержанности и стремления сохранить отношения с США менее экспрессивен.

В российском дипломатическом дискурсе также часто встречается негативный образ «хора» западных чиновников: «хор натовских политиков», «в разноголосом натовском хоре», «тенор премьер-министра Великобритании Риши Сунака». Высказывания других российских дипломатов, и С.В. Лаврова в частности выстраиваются примерно в том же эмоционально-экспрессивном ключе. Так, С.В. Лавров неоднократно замечает, что США выстраивают вокруг Тайваня «деструктивные схемы», накачивают его оружием, разрушают архитектуру безопасности, вовлекаются во «взрывоопасные

⁶ Цинь Ган. Вопросы и ответы Министра иностранных дел Цинь Гана на пресс-конференции, посвященной внешней политике Китая и международным отношениям. // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2023. 8 March. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/wjbz/zyjh/202303/t20230308_11037323.html. (In Chinese).

⁷ Там же.

игры», «наносят фатальный удар», «пример высшего цинизма — позиция Запада по Тайваню». Мы видим, что в российском дискурсе тоже конструируется негативный образ США, как страны, применяющей силу, страны-разрушительницы. Таким образом, в связи с ухудшением отношений между Россией и западными странами, уровень эмотивности российского дипломатического дискурса резко возрастает даже и в том случае, если проблема не касается непосредственно вопросов безопасности страны.

И хотя в теории «дипломатический язык», а вместе с ним и дипломатический дискурс должны при любых обстоятельствах оставаться сдержаны и нейтральны, будучи ограничены строгими рамками норм и правил института дипломатии, но в последнее время наблюдается изменение дискурса, что говорит о процессе адаптации языка к постоянно меняющейся реальности. Кроме того, что публичный дипломатический дискурс вообще становится открытым влиянию политического и массмедиа дискурсов, проникается особенностями персональных дискурсов дипломатов, здесь, в рамках подобного острого конфликта, наблюдается активное использование всех средств языка в целях переубеждения оппонентов и формирования общественного мнения мирового сообщества.

Каков американский дипломатический дискурс по этому вопросу? Можно отметить, что на современном этапе он отличается значительной нейтральностью. В рамках предпринятого исследования рассматривалось выступление Э. Блинкена после встречи с Си Цзиньпином 19 июня 2023 г. В данном выступлении хотя и присутствуют экспрессивные выражения, но они не обладают выраженными негативными коннотациями и эмоциональной силой. Средством экспрессии в основном выступают лексические повторы (хотя лексические повторы можно считать личным стилем Э. Блинкена, однако он использует их для передачи своего эмоционального отношения) и устоявшиеся метафоры, близкие к нейтральным. Это происходит по двум причинам: во-первых в рамках тайваньского вопроса территориальной целостности и сохранению суверенитета Америки ничего не угрожает, а во-вторых США решили изменить свою политику в отношении Тайваня: нарушение status quo нежелательно, однако эскалация конфликта без явной причины категорически недопустима. Гораздо лучше выстраивать эффективные партнерские отношения с Китаем. Современную политику США в отношении Китая можно на-

звать неким продолжением «пинг-понговой дипломатии». Если обращаться к паралингвистическому содержанию дипломатического дискурса, то примечательным может, например, оказаться тот факт, что во время встречи Э. Блинкена и Си Цзиньпина фоном служила картина «Источник на горе Уи», грандиозная лаковая роспись на стене Большого зала народных собраний. По мнению журналистов пики и расщелины, изображенные на картине, символизируют взлеты и падения в отношениях между двумя мировыми экономиками. Здесь проявляется разница в дипломатических стилях США и КНР: обычно в США подобные встречи проходят на фоне портретов бывших президентов, что означает уважение к мудрости предшественников, выдающихся лидеров. В Китае грандиозная пейзажная живопись, украшающая залы, где проходят встречи, отражает стремление к гармонии. Американские журналисты по-своему трактовали значение картины из Большого зала народных собраний. Если для западной традиции гора — это в основном образ препятствия, опасности, трудной задачи, то в Китае горы — это сакральные места, символы святости и духовной чистоты, спокойствия и постоянства. Знаменитые горы Уишань, например, являются заповедными зонами, где среди редкой красоты пейзажей обитает множество исчезающих видов животных и растений. Китайское правительство старается сохранить уникальную флору и фауну гор Уишань, поэтому и лаковая роспись, изображающая пики Уи (Уишань) представляет собой стремление к миру, охране окружающей среды, а также сотрудничеству — провинция Фуцзянь, в которой находится горы Уишань, знаменита как центр международной торговли. Во время той же встречи зал украшали цветы лотоса, которые в Китае являются символом мира. Можно отметить, что Китай во время этой встречи старался достичь баланса в переговорах с США, что отражалось не только в языке, но и в выборе декораций. Важно учитывать и то, что представители другой культуры могут интерпретировать символы неправильно, что непременно отразится на процессе поиска компромиссных решений. Таким образом, особенности дипломатического дискурса проявляются не только в словесной форме, но и в конкретных предметах и их восприятии, оценке их символического значения.

В рамках статьи мы рассмотрели, как вокруг тайваньского вопроса выстраиваются дипломатические дискурсы России, Китая и США. Было выявлено, что Россия традиционно рассматри-

вала Тайвань как часть Китая, тогда как США, наоборот, считали остров самостоятельной страной. К тому же в США и Китае годами конструируются негативные образы друг друга, что влияет на дипломатический дискурс. Мы определили, что дипломатические дискурсы формируются вокруг основных интересов, ценностей и аргументов, составляющих официальную позицию руководства. Кроме того, несмотря на закрытость и нейтральность дипломатического дискурса, в нем, тем не менее, присутствует эмоциональный элемент — своеобразный индекс того, насколько важной, болезненной, актуальной является проблема для той или иной страны. В исследовании для определения отношений стран к тайваньскому вопросу был проведен анализ экспрессивности выступлений дипломатов. Нами было обнаружено, что наибольшей экспрессивностью обладали речи ки-

тайских и российских дипломатов. Если Китай является самой заинтересованной стороной конфликта, то России этот вопрос почти не касается, однако в связи со сложившейся международной ситуацией Россия воспринимает вопросы безопасности и суверенитета гораздо острее, чем в прошлом, к тому же ввиду важности налаживания партнерских отношений с Китаем Россия оказывает ему активную поддержку. США, наоборот, стараются уйти от эскалации конфликта, так как тоже стремятся сотрудничать с КНР. Дипломатический дискурс США оказался наиболее нейтральным — и потому, что они не чувствуют прямой угрозы, и потому, что выстраивают осторожную политику вокруг Китая.

Таким образом, нами было доказано, что уровень экспрессивности можно использовать как инструмент анализа дипломатического дискурса.

Список использованной литературы

1. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках / А.В. Лукин. — Москва : Восток-Запад : АСТ, 2007. — 598 с.
2. Vradiy S.Yu. Russia's Unofficial Relations with Taiwan / S.Yu. Vradiy. — EDN VHNXCD // Eager Eyes Fixed on Eurasia: Change and Progress. — 2007. — Vol. 2. — P. 219–234.
3. Лексютина Я. В. Стратегия и тактика внешней политики Тайваня в условиях обострения напряженности с Китаем / Я.В. Лексютина. DOI 10.46272/2587-8476-2022-13-4-76-93. — EDN ZXONAB // Международная аналитика. — 2022. — Т. 13, № 4. — С. 76–93.
4. Tucker N. Should the United States Abandon Taiwan / N. Tucker, B. Glaser. — DOI 10.1080/0163660X.2011.609128 // The Washington Quarterly. — 2011. — Vol. 34, no. 4. — P. 23–37.
5. Liss A. Images of China in the American Print Media: A survey from 2000 to 2002 / A. Liss. — DOI 10.1080/1067056022000054614 // Journal of Contemporary China. — 2003. — Vol. 12, no. 35. — P. 299–318.
6. Wang G. Discursive Use of Stability in New York Times' Coverage of China: a Sentiment Analysis Approach / G. Wang, Y. Liu, Sh. Tu. — DOI 10.1057/s41599-023-02165-0 // Humanities and Social Sciences Communications. — 2023. — Vol. 10, no. 1. — P. 1–10.
7. Сорокина О.Н. Образ Китая в массмедийном дискурсе США: развитие тема-рематического блока «экономика Китая» (на материале статей «The Washington Post») / О.Н. Сорокина. — EDN OZNIBN // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 13. — С. 135–139.
8. Волошина А.В. Тайваньский вопрос в современных отношениях Китая и США / А.В. Волошина. — DOI 10.24411/9999-043A-2020-10002. — EDN ХКМЖКР // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее : материалы 7-й междунар. конф. молодых востоковедов, Москва, 28-29 нояб. 2019 г. — Москва, 2020. — С. 24–33.
9. Ивэнь Гао. Трансформация образа США и России в Китайских масс-медиа в 2000-2021 гг. / Гао Ивэнь. — DOI 10.24412/1991-5497-2022-394-353-356. — EDN RUSWBI // Мир науки, культуры, образования. — 2022. — № 3 (94). — С. 353–356.
10. Давыдов А.С. «Треугольник» после съезда КПК / А.С. Давыдов. — EDN MYOZWU // Свободная мысль. — 2023. — № 4. — С. 45–57.
11. Баулина В.С. Роль национального стиля в переговорном процессе / В.С. Баулина. — EDN KARAWP // Власть. — 2008. — № 11. — С. 106–110.
12. Романов А.А. Особенности тайваньского сепаратизма / А.А. Романов. — EDN CPJHIV // The Newman in Foreign policy. — 2023. — Т. 1, № 70. — С. 38–40.
13. Абдрахимов Л.Г. Идея «великое возрождение китайской нации - китайская мечта» Си Цзиньпина как идеологическая основа национальной безопасности Китая / А.Г. Абдрахимов. — DOI 10.22363/2313-1438-2023-25-1-189-203. — EDN WJFCVA // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2023. — Т. 25, № 1. — С. 189–203.

14. Taiwan: Manipulation of Ideology and Struggle for Identity / ed. Ch. Shei. — New York, 2021. — 224 p.

References

1. Lukin A.V. *The Bear Observes the Dragon. the Image of China in Russia in 17th–18th Centuries*. Moscow, Vostok-Zapad Publ., AST Publ., 2007. 598 p.
2. Vradiy S.Yu. Russia's Unofficial Relations with Taiwan. *Eager Eyes Fixed on Eurasia: Change and Progress*, 2007, vol. 2. pp. 219–234. EDN: VHNXCD.
3. Leksyutina Ya.V. Strategy and Tactics of Taiwan's Foreign Policy Against the Background of Aggravated Tensions with China. *Mezhdunarodnaya analitika = Journal of International Analytics*, 2022, vol. 13, no. 4, pp. 76–93. (In Russian). EDN: ZXONAB. DOI: 10.46272/2587-8476-2022-13-4-76-93.
4. Tucker N., Glaser B. Should the United States Abandon Taiwan. *The Washington Quarterly*, 2011, vol. 34, no. 4, pp. 23–37. DOI: 10.1080/0163660X.2011.609128.
5. Liss A. Images of China in the American Print Media: A survey from 2000 to 2002. *Journal of Contemporary China*, 2003, vol. 12, no. 35, pp. 299–318. DOI: 10.1080/1067056022000054614.
6. Wang G., Liu Y., Tu Sh. Discursive Use of Stability in New York Times' Coverage of China: a Sentiment Analysis Approach. *Humanities and Social Sciences Communications*, 2023, vol. 10, no. 1, pp. 1–10. DOI: 10.1057/s41599-023-02165-0.
7. Sorokina O.N. Image of China in the U.S. Mass-Media: the Elaboration of "Chinese Economics" Theme (According to the Washington Post). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, no. 13, pp. 135–139. (In Russian). EDN: OZNIBN.
8. Voloshina A.V. The Taiwan Issue in the Modern China-us Relations. *East Asia: Past, Present, Future. Proceedings of the 7th International Conference of Young Orientalists*. Moscow, November 28-29, 2019. Moscow, 2020, pp. 24–33. (In Russian). EDN: XKMJKP. DOI: 10.24411/9999-043A-2020-10002.
9. Yi-Wen Gao. Transformation of the Image of the USA and Russia in the Chinese Mass Media in 2000-2021. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture and Education*, 2022, no. 3, pp. 353–356. (In Russian). EDN: RUSWBI. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-394-353-356.
10. Davydov A.S. The Triangle after the CPC Congress. *Svobodnaya mysl = Free Thought*, 2023, no. 4, pp. 45–57. (In Russian). EDN: MYOZWU.
11. Baulina V.S. The Role of National Style in Negotiation Process. *Vlast' = Power*, 2008, no. 11, pp. 106–110. (In Russian). EDN: KARAWP.
12. Romanov A.A. Features of Taiwan Separatism. *The Newman in Foreign Policy*, 2023, vol. 1, no. 70, pp. 38–40. (In Russian). EDN: CPJHIV.
13. Abdrakhimov L.G. Xi Jinping's "The Great Rejuvenation of the Chinese Nation - Chinese Dream" as an Ideological Basis for the National Security of China. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science*, 2023, vol. 25, no. 1, pp. 189–203. (In Russian). EDN: WJFCVA. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-189-203.
14. Shei C. (ed.). *Taiwan: Manipulation of Ideology and Struggle for Identity*. New York, 2021. 224 p.

Информация об авторах

Распопина Алена Александровна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, alen_a77@mail.ru.

Филашкина Варвара Максимовна — магистрант, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, varvarafilashkina@mail.ru.

作者信息

Alena A. Raspopina — 历史学副博士, 副教授, 国际关系与关务教研室, 贝加尔国立大学, 伊尔库茨克, 俄罗斯联邦, alen_a77@mail.ru.

Varvara M. Filashkina — 硕士研究生, 国际关系与关务教研室, 贝加尔国立大学, 伊尔库茨克, 俄罗斯联邦, varvarafilashkina@mail.ru.

Authors

Alena A. Raspopina — PhD in History, Associate Professor, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, alen_a77@mail.ru.

Varvara M. Filashkina — Master's Degree Student, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: varvarafilashkina@ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

作者的贡献

所有作者对该出版物的准备作出了等量贡献。所有作者声明无利益冲突。

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Распопина А.А. Отражение тайваньского вопроса в дипломатическом дискурсе России, Китая и США на современном этапе / А.А. Распопина, В.М. Филашкина. — DOI 10.17150/2587-7445.2024.8(1).46-56. — EDN VXGSTY // Российско-китайские исследования. — 2024. — Т. 8, № 1. — С. 46–56.

For Citation

Raspopina A.A., Filashkina V.M. Reflection of the Taiwan Issue in the Diplomatic Discourse of Russia, China and the United States at the Present Stage. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 46–56. (In Russian). EDN: VXGSTY. DOI: 10.17150/2587-7445.2024.8(1).46-56.